

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-5

Исследовательская статья

Байков М. Д.

**Институциональная роль религиозных организаций
в семейно-демографической политике
Российской Федерации**

Институт социальной демографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСД ФНИСЦ РАН),
улица Фотиевой дом 6/1, Москва, 119333, Россия
baykoff.mixaif@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что религиозные организации традиционных конфессий в постсоветской России превращаются в заметных акторов государственной семейно-демографической политики, что требует выявления институциональных механизмов их включения в эту сферу. Методологическую основу работы составляет качественный анализ двух корпусов документов федерального уровня – нормативно-правовых актов Российской Федерации (указы Президента, стратегии, федеральные законы, паспорт национального проекта «Семья») и доктринальных/уставных текстов централизованных религиозных организаций (Основы социальной концепции РПЦ, Социальная доктрина российских мусульман, уставы, резолюции и пр.). Теоретической рамкой выступают концепция деприватизации религии Х. Казановы и теория символического капитала П. Бурдьё. Цель научного поиска заключается в обнаружении трехплоскостного институционального механизма, с помощью которого религиозные организации встраиваются в семейно-демографическую политику: идеологическая плоскость формирует ценностный консенсус (традиционная семья, многодетность), инструментальная плоскость переводит этот консенсус в каналы грантового финансирования и профессионализации социальных услуг, а стратегическая плоскость закрепляет партнерство в документах долгосрочного планирования. Выводы исследования показывают, что религиозные организации становятся одним из опорных элементов государственной семейной политики, находя с государством общий язык через совмещение ценностной риторики и организационных ресурсов. Кроме того, критическое осмысление в оптике губернаментальности (М. Фуко) позволяет увидеть в этом процессе не только сотрудничество, но и форму непрямого государственного управления, трансформирующую конфессиональные практики благотворительности в стандартизированные социальные услуги.

Ключевые слова: религиозные организации; семейно-демографическая политика; публичная религия; социальное служение; традиционные ценности

Информация для цитирования: Байков М. Д. Институциональная роль религиозных организаций в семейно-демографической политике Российской Федерации // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 3. С. 242-256. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-5.

Research article

Mikhail D. Baikov

The institutional role of religious organizations in the family and demographic policy of the Russian Federation

Institute of Social Demography of the Federal State Budgetary Institution of Science,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISD FNCS RAS),
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
baykoff.mixaif@mail.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the fact that religious organizations of traditional confessions in post-Soviet Russia are becoming prominent actors in state family and demographic policy, which necessitates the identification of the institutional mechanisms that embed them in this sphere. The methodological basis of the work is a qualitative analysis of two corpora of federal-level documents: regulatory legal acts of the Russian Federation (presidential decrees, strategies, federal laws, the passport of the Family National Project) and doctrinal and statutory texts of centralized religious organizations (the Foundations of the Social Concept of the Russian Orthodox Church, the Social Doctrine of Russian Muslims, the charters, resolutions etc.). The theoretical framework draws on J. Casanova's concept of the deprivatization of religion and P. Bourdieu's theory of symbolic capital. The main scholarly result lies in the discovery of a three-plane institutional mechanism through which religious organizations are incorporated into family and demographic policy: the ideological plane establishes a value consensus (traditional family, large families), the instrumental plane translates this consensus into channels of grant funding and the professionalization of social services, while the strategic plane anchors the partnership in long-term planning documents. The study's conclusions show that religious organizations are becoming one of the supporting pillars of state family policy by finding a common language with the state through a convergence of value rhetoric and organizational resources. At the same time, a critical reflection in the optic of governmentality (M. Foucault) allows us to see in this process not only cooperation but also a form of indirect state governance that transforms confessional practices of charity into standardized social services.

Keywords: religious organizations; family and demographic policy; public religion; social service; traditional values

Information for citation: Baikov, M. D. (2026), "The institutional role of religious organizations in the family and demographic policy of the Russian Federation", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (3), 242-256. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-5.

Введение (Introduction). Семейно-демографическая политика занимает сегодня одно из центральных мест в системе государственного управления Российской Федерации. На протяжении последних десятилетий она прошла путь от набора разрозненных мер поддержки до оформления в качестве стратегического национального приоритета,

закрепленного в указах Президента и национальных проектах. Переформатирование национального проекта «Демография» в национальный проект «Семья» стало знаковым шагом, уже на лексическом уровне свидетельствующим о переносе акцента с преимущественно экономических инструментов стимулирования рождаемости на комплексную институциональную политику, нацеленную на укрепление семьи как базовой социальной единицы (Ростовская, Ананченкова, Ростовский, 2026). Одновременно Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» зафиксировал ценностный каркас этой политики, прямо указав на традиционные религии, как на носителей и трансляторов соответствующей аксиологической системы. Эта нормативная рамка создала условия, при которых религиозные организации перестали восприниматься государством как периферийные субъекты социальной сферы и начали рассматриваться в качестве полноценных партнеров в реализации семейно-демографического курса.

Эмпирическая реальность последних лет подтверждает значимость этой трансформации. Религиозные организации (Русская Православная Церковь, мусульманские муфтияты, Буддийская традиционная сангха, Федерация еврейских общин России) становятся все более заметными участниками реализации семейной политики. Их активность больше не сводится к спорадической частной благотворительности: она институционализируется через разветвленную сеть кризисных центров для беременных, приютов для матерей с детьми, центров гуманитарной помощи и масштабных грантовых проектов (Caldwell, 2017; Русских, 2022). По данным Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению, только Русская Православная Церковь (РПЦ) насчитывает более 80 кризисных центров для женщин и свыше тысячи благотворительных проектов, значительная часть которых ориентирована на поддержку семьи, материнства и детства¹. Сходные процессы, хотя и в отличающихся масштабах, наблюдаются в исламской, буддийской и иудейской общинах: практики закята и садака, проекты «социальных отар», адресная помощь хэсэдов – все они постепенно встраиваются в единую логику социального обслуживания, финансируемого в том числе за счет государственных грантовых механизмов. Государство, со своей стороны, создает для этого нормативные и финансовые условия – через законодательство о социально ориентированных некоммерческих организациях, разветвленную грантовую политику и фиксацию в стратегических документах ценности традиционных религий.

Исследователи отмечают эту тенденцию в разных аналитических ракурсах. С одной стороны, существуют работы, выполненные на стыке социологии религии и демографии, которые показывают наличие устойчивой связи между религиозностью и репродуктивными установками в России, а также особую роль религиозной общины как среды межпоколенческой трансляции семейных ценностей (Пруцкова, Павлюткин, Борисова, 2023; Павлюткин, 2024; Пруцкова, Байков, Павлов, 2024). С другой стороны, в публикациях, посвященных социальному служению РПЦ, эмпирически обоснован рост профессионализации церковной социальной работы: происходит переход от волонтерских инициатив к системной деятельности, требующей специальных компетенций в психологии, юриспруденции и менеджменте (Орешина, 2016; Забаев, Пруцкова, Маркин, 2022). Кроме того, внешние наблюдатели также отмечают сращивание государственной риторики о семье с доктринальным языком конфессий, что проявляется, в частности, в деятельности Всемирного русского народного собора и транснациональных консервативных сетей (Stoeckl, 2020, 2023; Skladanowski et al., 2023). При этом социокультурные опросы населения показывают, что семейные ценности остаются значимыми и для религиозной, и для

¹ Современное состояние социального служения Церкви, 2025 г. URL: <https://diaconia.ru/church-help/actual/> (дата обращения: 06.05.2026).

нерелигиозной части российского общества, хотя содержательно эти ценности могут различаться, а консолидирующий потенциал религиозного фактора реализуется не автоматически, а при определенных условиях (Кублицкая, 2023; Кублицкая, Лютенко, 2024; Лебедев, 2025).

Таким образом, проблема исследования заключается в наличии разрыва между детальными эмпирическими описаниями отдельных аспектов государственно-конфессионального взаимодействия и отсутствием целостного понимания того, как эти аспекты интегрируются в единый институциональный механизм. Существующие работы показывают, что происходит на уровне ценностей, практик и риторик, но не объясняют, как именно эти элементы состыковываются в работающую на федеральном уровне систему. Наименее разработанным остается вопрос о том, как именно формируется и воспроизводится та нормативно-ценностная и организационная связка между государством и религиозными институтами, которая позволяет им находить общий язык и действовать как соисполнителям единого стратегического курса.

Для концептуализации этого процесса представляются продуктивными две классические теоретические рамки. Первая – концепция деприватизации религии Х. Казановы, центральный тезис которой состоит в том, что в современном мире религия не исчезает и не замыкается в приватной сфере, а, напротив, выходит в публичное пространство и заново утверждает свою общественную значимость (Casanova, 1994). При этом, как уточняет сам автор в более поздней работе, выход религии в публичную сферу не тождественен клерикализации политики: религиозные институты вынуждены принимать правила игры, установленные современными демократическими и бюрократическими системами, и обосновывать свои претензии на участие в общественной жизни на языке, доступном светским акторам (Casanova, 2009). Этот подход позволяет увидеть в российском кейсе не уникальную аномалию, а специфический случай более общего процесса – постсоветский вариант публичной религии, при котором государство не просто терпит присутствие религиозных институтов в социальной сфере, а активно приглашает их к сотрудничеству, но на строго определенных условиях.

Вторая теоретическая оптика – теория символического капитала и поля религии П. Бурдьё. В рамках этого подхода религиозная принадлежность в поле социальной политики функционирует и как мотивация для индивидуальных акторов, и как ресурс, повышающий конкурентоспособность организации в борьбе за финансирование и институциональное признание (Bourdieu, 1989, 1990). В бурдьёвской логике традиционные практики дарообмена и общинной солидарности, составлявшие историческую основу конфессиональной благотворительности, под воздействием государственных требований к отчетности и эффективности, трансформируются в стандартизированные «социальные услуги». Религиозный капитал – доверие, сети, моральный авторитет – конвертируется в символический капитал, который затем обменивается на доступ к бюджетным и грантовым ресурсам.

Совмещение этих двух оптик дает возможность исследовать встречные движения: со стороны государства – формирование нормативно-ценностной рамки, в которой религиозным организациям отводится определенная ниша, а со стороны религиозных организаций – добровольное вхождение в эту рамку, сопровождаемое адаптацией собственных доктринальных и организационных ресурсов к институциональным требованиям государства. Такое двухстороннее движение и образует, на наш взгляд, тот общий нарратив, который позволяет религиозным организациям становиться одним из столпов государственной семейно-демографической политики.

Исходя из вышеизложенного, исследовательский вопрос настоящей статьи формулируется следующим образом: каким образом централизованные религиозные организации России выстраивают общий язык с государством и становятся одним из

основных элементов проводимой им семейно-демографической политики на федеральном уровне? Иными словами, нас интересует не столько перечень проектов и инициатив, сколько нормативные, доктринальные и организационные механизмы, обеспечивающие устойчивое партнерство государства и религиозных институтов, а также те трансформации, которые претерпевают конфессиональные практики в процессе этого партнерства.

Методология исследования и методы (Methodology and Methods). Стоит сразу оговориться, что исследование сознательно ограничено федеральным уровнем. Именно здесь формируются нормативно-правовые и стратегические рамки, задающие общие условия деятельности религиозных организаций в социальной сфере на всей территории страны. Региональный анализ требует изучения множества случаев и строгого обоснования выбора конкретных субъектов Федерации, что неизбежно поставило бы вопрос о сравнимости кейсов и репрезентативности выводов, а эта задача выходит за рамки настоящей работы. Обращение к региональному материалу остается перспективным направлением для последующих исследований.

В фокусе исследования находятся централизованные религиозные организации традиционных конфессий, имеющие общенациональное значение: Русская Православная Церковь, централизованные исламские структуры (Совет муфтиев России, Центральное духовное управление мусульман и другие), Буддийская традиционная сангха России и Федерация еврейских общин России. Выбор обусловлен как их официальным статусом, так и наличием доктринальных документов, артикулирующих социальную миссию применительно к институту семьи.

Эмпирическую основу работы составляют два корпуса текстов. Первый включает нормативно-правовые акты Российской Федерации, определяющие государственную политику в сфере семьи, демографии и ценностного регулирования: указы Президента (включая № 809 и № 63), распоряжения Правительства (включая «Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.»), федеральные законы (№ 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»), а также паспорт национального проекта «Семья». Второй корпус образуют доктринальные и уставные документы перечисленных религиозных организаций: Основы социальной концепции РПЦ, Социальная доктрина российских мусульман, устав Федерации еврейских общин России, а также резолюции Всемирного русского народного собора (ВРНС) как публичные документы, имеющие общенациональный резонанс.

Основным методом выступает качественный анализ документов, ориентированный теоретической рамкой исследования – концепциями деприватизации религии Х. Казановы и символического капитала П. Бурдьё. Процедура анализа строилась в три этапа. На первом этапе из государственных актов выделялись фрагменты, формулирующие цели семейно-демографической политики, определяющие круг ее субъектов и механизмы взаимодействия с институтами гражданского общества. На втором этапе анализировались доктринальные документы религиозных организаций с целью выявить концептуализацию института семьи, определение социальной миссии и признаваемые легитимными формы взаимодействия с государством. На третьем этапе результаты сопоставления обобщались в трех плоскостях – идеологической (ценностный консенсус), инструментальной (механизмы финансирования и профессионализации) и стратегической (устойчивость партнерства в долгосрочном планировании).

Ограничения работы связаны прежде всего с ее фокусом на официальном дискурсе. За пределами анализа остаются локальные приходские и общинные практики, межконфессиональные различия в объемах социального служения (требующие количественных данных) и разрывы между декларируемыми принципами и их практической реализацией. Эти ограничения не обесценивают полученные результаты, а задают

направления для дальнейших исследований и микросоциологического анализа повседневных практик социального служения.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализ нормативно-правовых актов Российской Федерации и доктринальных документов централизованных религиозных организаций проводился в три этапа, каждому из которых соответствовал свой аналитический фокус и свой корпус источников.

На первом этапе анализировались государственные документы федерального уровня, из которых выделялись три содержательных блока: цели и приоритеты семейно-демографической политики, круг привлекаемых субъектов и механизмы взаимодействия государства с негосударственными акторами. Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» вводит категорию «традиционные ценности» как нормативную основу государственной политики и фиксирует их перечень: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Пункт 6 Указа прямо относит традиционные религии к числу носителей этих ценностей, что создает легитимное основание для их присутствия в публичной сфере, а пункт 24ж декларирует поддержку религиозных организаций как хранителей традиционных ценностей. Указ № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» закрепляет единый бессрочный статус многодетной семьи по всей стране и перечисляет конкретные меры: досрочное назначение страховой пенсии по старости многодетным матерям, субсидирование найма жилья, профессиональное обучение многодетных родителей, а также поддержку общественных и некоммерческих организаций, занимающихся укреплением института семьи (п. 5з). Указ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» устанавливает национальный проект «Семья» с целевыми показателями: повышение суммарного коэффициента рождаемости, увеличение доли многодетных семей, снижение уровня бедности семей с детьми. Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года (Распоряжение Правительства РФ № 615-р) конкретизирует эти цели в измеримых показателях и в разделе о формировании ценностей ответственного родительства предусматривает привлечение религиозных организаций. Федеральный закон № 256-ФЗ задает общий пронаталистский контекст, вводя программу материнского капитала и определяя направления его использования: улучшение жилищных условий, образование детей, формирование накопительной пенсии матери. Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» в статье 31.1 определяет перечень видов деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО), включая социальную поддержку и защиту граждан, профилактику социального сиротства, поддержку материнства и детства, а в статье 31.2 закрепляет возможность предоставления СОНКО субсидий и имущественной поддержки.

На втором этапе анализировались доктринальные и уставные документы централизованных религиозных организаций. Основы социальной концепции РПЦ в разделе о браке и семье (X.1–X.5) определяют брак как «союз мужчины и женщины», называют многодетность благословением, а семью характеризуют как «домашнюю церковь», единый организм, члены которого живут в отношениях взаимной любви и ответственности. Раздел о Церкви и государстве (III.1–III.8) вводит принцип соработничества Церкви и государства и определяет области такого соработничества, включая заботу о семье и воспитание детей. Раздел о миссии Церкви (I.4) фиксирует, что социальная деятельность Церкви не может ограничиваться проповедью и должна включать в себя благие дела в пользу нуждающихся.

Социальная доктрина российских мусульман, подписанная 14 июня 2015 г. главами Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман, Координационного центра мусульман Северного Кавказа и Духовного управления мусульман Республики Татарстан, также акцентирует религиозный долг по поддержанию института семьи и духовного благополучия, а институты закята и садака характеризует как инструменты общинной солидарности. Устав Федерации еврейских общин России закрепляет цдаку – благотворительность – как одно из направлений деятельности общины и фиксирует создание благотворительных центров (хэсэдов) как организационную форму помощи. Программы Российского еврейского конгресса по поддержке детей и семей включают ежемесячную адресную помощь малообеспеченным семьям, образовательные проекты и сопровождение семей с детьми с особенностями развития. Резолюция V Общероссийского семейного форума ВРНС в Кузбассе (сентябрь 2025 г.) содержит прямые рекомендации государству: закрепить приоритет многодетной семьи как национальной ценности, ввести прогрессивную шкалу поддержки многодетных, ужесточить регулирование в сфере аборт.

На третьем этапе результаты анализа двух корпусов сопоставлялись по трем плоскостям: идеологической, инструментальной и стратегической. Процедура анализа в сжатом виде представлена в таблице.

Таблица

Процедура анализа документов

Table

Document Analysis Procedure

Этап / Stages	Аналитический фокус / Analytical Focus	Проанализированные документы / Documents for analysis	Ключевые элементы / Key Elements
I. Анализ государственных нормативно-правовых актов / I. Analysis of state regulatory legal acts	Цели, субъекты и механизмы государственной семейно-демографической политики / Goals, actors and mechanisms of state family and demographic policy	Указ № 809; Указ № 63; Указ № 309; Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (Распоряжение № 615-р); Федеральный закон № 256-ФЗ; Федеральный закон № 7-ФЗ; Паспорт национального проекта «Семья» / Decree No. 809; Decree No. 63; Decree No. 309; Strategy for the Implementation of	Закрепление традиционных ценностей; брак как союз мужчины и женщины; бессрочный статус многодетной семьи; национальный проект «Семья»; религии как носители ценностей; грантовые и бюджетные механизмы финансирования / Consolidation of traditional values; marriage as a union of a man and a woman; permanent status of a large family; national project "Family"; religions as bearers of values; grant and budget funding mechanisms

		Family and Demographic Policy, Support for Large Families in the Russian Federation until 2036 (Order No. 615-r); Federal Law No. 256-FZ; Federal Law No. 7-FZ; Passport of the Family National Project	
II. Анализ доктринальных и уставных документов религиозных организаций / II. Analysis of doctrinal and statutory documents of religious organizations	Концептуализация семьи, социальная миссия и легитимные формы взаимодействия с государством / Conceptualization of the family, social mission and legitimate forms of interaction with the state	Основы социальной концепции РПЦ; Социальная доктрина российских мусульман России; Устав ФЕОР; Программы РЕК; Резолюция V Семейного форума ВРНС / Foundations of the Social Concept of the Russian Orthodox Church; Social Doctrine of Russian Muslims; Charter of the Federation of Jewish Communities of Russia; Programs of the Russian Jewish Congress; Resolution of the V Family Forum of the World Russian People's Council	Брак как союз мужчины и женщины; многодетность как благо; семья как «домашняя церковь»; благотворительность как религиозный долг; принцип сотрудничества; встречный запрос к государству; помощь государству в укреплении института семьи / Marriage as a union of a man and a woman; large families as a blessing; family as a "domestic church"; charity as a religious duty; principle of co-working; counter-request to the state; assistance to the state in strengthening the family institution
III. Сопоставление результатов и обобщение / III. Comparison of results and generalization	Идеологическая, инструментальная и стратегическая плоскости сопряжения / Ideological, instrumental and strategic planes of convergence	Сопоставление всех документов первого и второго корпусов / Comparison of all documents of the first and second corpora	Идеологический консенсус по вопросам семьи; конвертация религиозного капитала через гранты; профессионализация услуг; закрепление партнерства в стратегических документах / Ideological consensus on family issues; conversion of religious capital through grants; professionalization of services; consolidation of partnership in strategic documents

Сопоставление двух корпусов документов по итогам третьего этапа позволяет содержательно описать институциональный механизм, посредством которого религиозные организации встраиваются в государственную семейно-демографическую политику. Этот механизм раскрывается в трех пересекающихся плоскостях.

Первая плоскость – идеологическая. Здесь обнаруживается фактическое совпадение языка, на котором государство и религиозные организации описывают институт семьи. Указ № 809 помещает «крепкую семью» в перечень традиционных ценностей и прямо называет традиционные религии их носителями. Основы социальной концепции РПЦ определяют семью как «домашнюю церковь» и союз мужчины и женщины; Социальная доктрина мусульман – как базовую ячейку уммы; уставные документы иудейских общин фиксируют благотворительную поддержку семьи как религиозно мотивированную обязанность. Резолюция V форума ВРНС идет дальше простого принятия государственной рамки: она формулирует к государству встречный запрос – закрепить приоритет многодетной семьи, усилить ограничительные меры в сфере аборт, создать федеральный проект «Многодетная страна». Таким образом, ценностный консенсус не сводится к пассивному согласию; религиозные организации участвуют в достройке государственной идеологической платформы.

Эта логика хорошо схватывается концепцией деприватизации религии Х. Казановы: религиозные институты выходят в публичную сферу и утверждают свою значимость, но не через конфликт с секулярным государством, а через включение в его ценностный проект (Casanova, 1994). Позднейшая рефлексия автора о том, что публичная религия принимает правила современных политических систем, добавляет важный нюанс: государство допускает религиозные организации в публичное пространство на условиях, которые само же и задает (Casanova, 2009: 12-15). Применительно к российскому случаю это означает, что религиозные организации получают статус легитимных участников семейной политики именно в той мере, в какой их доктринальный язык совпадает с государственным. Сходные наблюдения делают и другие исследователи. С. Н. Русских показывает, что РПЦ последовательно выступает проводником государственной риторики о традиционной семье, а государство, в свою очередь, опирается на моральный авторитет Церкви (Русских, 2022: 190). М. Складановски и соавторы на материале дискурс-анализа демонстрируют сращивание риторик – государственной и церковной – вокруг понятий брака и родительства (Składanowski et al., 2023). К. Штекль (Stoeckl, 2020, 2023) помещает эти процессы в транснациональный контекст, анализируя участие российских религиозных акторов в глобальных консервативных сетях правых политических движений.

Вторая плоскость – инструментальная. Проведенный анализ показывает, что ценностный консенсус не остается на уровне деклараций: он подкреплен конкретными организационными и финансовыми механизмами. Федеральный закон № 7-ФЗ определяет статус СОНКО и открывает доступ к бюджетному и грантовому финансированию; паспорт национального проекта «Семья» включает СОНКО в перечень исполнителей. Стыковка этих норм с уставными документами религиозных организаций, в которых благотворительность зафиксирована как один из видов деятельности, делает возможным их полноценное участие в рынке социальных услуг. В результате традиционные конфессиональные практики – церковная благотворительность, исламские закят и садака, иудейская цдака, общинная взаимопомощь в буддизме – переформируются в стандартизированные социальные услуги, предполагающие количественную отчетность и профессиональные компетенции.

Эта трансформация хорошо описывается в терминах П. Бурдьё, однако ее не стоит сводить к механической конвертации религиозного капитала в экономический. Оптика Бурдьё позволяет увидеть более сложную картину: в работе о социальном пространстве и символической власти символический капитал определяется как форма, которую принимают другие виды капитала, когда они начинают восприниматься как легитимные (Bourdieu, 1989).

Религиозный статус организаций в поле социальной политики работает именно так: она воспринимается государством и грантодателями как маркер надежности, укорененности и доступа к целевым группам. В «Практическом смысле» экономика дарообмена описывается как система, в которой дар не является безвозмездным, но его возмещение отложено во времени и замаскировано (Bourdieu, 1990). Религиозная благотворительность, исторически строившаяся на этой логике, при включении в грантовую систему переводится в режим явной и немедленной подотчетности, что меняет саму темпоральность практики.

Третья плоскость – стратегическая. Сопоставление документов показывает, что взаимодействие государства и религиозных организаций в семейной сфере не носит ситуативного характера, а приобретает черты институционализированного и долгосрочного партнерства. «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» прямо предусматривает участие религиозных организаций в формировании ценностей многодетности и ответственного родительства; План мероприятий к ней (Распоряжение Правительства РФ № 3999-р) переводит эти положения в операционные шаги. Со стороны религиозных организаций ответный ход состоит в том, что их публичные документы, например резолюции Всемирного русского народного собора, не ограничиваются поддержкой государственного курса, а предлагают его содержательное развитие.

Такая устойчивость не случайна и может быть осмыслена в теоретической перспективе, предложенной М. Ф. Чернышом. Рассматривая социальные институты как фактор цивилизационной эволюции, он показывает, что институциональные комплексы обретают долговечность не сами по себе, а благодаря тому, что их нормативные предписания пронизывают сразу несколько сфер социальной жизни – ценностно-мировоззренческую (сакральные основания), экономическую и семейную (Черныш, 2023). В этом смысле союз государственной семейной политики и религиозных организаций уже не просто административное сотрудничество, а формирование именно такого многослойного институционального альянса, где идеологическая, инструментальная и стратегическая плоскости взаимно усиливают друг друга, что и придает ему повышенную устойчивость.

Тем не менее, стоит оговориться, что И. В. Забаев и Е. А. Кострова, специфицируя «российский парадокс религии и рождаемости», показывают, что пронаталистские ценности православия не конвертируются в реальное демографическое поведение, поскольку не подкреплены ни сильными религиозными институтами, способными транслировать эти ценности и контролировать их исполнение, ни достаточной плотностью социальной поддержки семей со стороны церковных общин, ни значимостью православной идентичности, сопоставимой с другими социальными ролями (Забаев, Кострова, 2023). Иными словами, идеологического консенсуса между государством и религиозными организациями по вопросам семьи самого по себе недостаточно: для достижения демографических эффектов требуется институциональная инфраструктура, которой российские конфессии в настоящий момент не обладают. В нашей оптике это означает, что государство, заинтересованное в демографическом результате, вынуждено создавать конкретные условия, а не просто апеллировать к духовным ценностям.

Заключение (Conclusions). Проведенный анализ нормативно-правовых актов Российской Федерации и доктринальных документов централизованных религиозных организаций показывает, что на федеральном уровне сложился устойчивый институциональный механизм, посредством которого религиозные организации встраиваются в государственную семейно-демографическую политику. Этот механизм раскрывается в трех взаимосвязанных плоскостях.

Сопоставление результатов по трем плоскостям позволяет зафиксировать следующее. Идеологическая плоскость обеспечивает ценностный фундамент – общий язык, на котором государство и религиозные организации описывают семью и ее значение. Инструментальная

плоскость переводит этот язык в организационные формы и финансовые потоки, стандартизируя и профессионализируя конфессиональную благотворительность. Стратегическая плоскость закрепляет партнерство во времени, делая его элементом долгосрочного государственного планирования и встречного институционального самоопределения религиозных структур. Все три плоскости действуют не изолированно, а как взаимосвязанные компоненты единого механизма, посредством которого централизованные религиозные организации встраиваются в государственную семейно-демографическую политику и становятся одним из ее опорных элементов.

Взятые вместе, три плоскости образуют единый механизм, который и составляет содержание общего нарратива государства и религиозных организаций. Именно посредством этого механизма централизованные религиозные структуры становятся одними из основных факторов государственной семейно-демографической политики.

Вместе с тем полученные результаты позволяют, и даже побуждают, посмотреть на описанный механизм критически. Возникает вопрос: не превращается ли религиозная благотворительность, встраиваясь в грантовую и отчетную логику, в инструмент не столько собственно религиозного служения, сколько государственного управления, осуществляемого непрямыми средствами? Здесь уместно обратиться к концепции гувернаментальности (governmentality), разработанной М. Фуко в лекциях 1978–1979 гг. (Foucault, 2008). Фуко описывает неолиберальное управление не как отказ государства от вмешательства, а как смену его формы: государство управляет не через прямое администрирование, а через формирование среды, в которой негосударственные акторы добровольно принимают на себя ответственность за решение социальных задач. Грантовые механизмы, стандарты эффективности, реестры СОНКО – все это может быть увидено как технология управления на расстоянии. Религиозные организации, становясь соисполнителями государственной семейной политики, одновременно принимают на себя и правила игры, выработанные вне религиозного поля.

Тем не менее, такой взгляд на взаимосвязь государства и религиозных организаций не отменяет значимости проделываемой ими работы – эмпирические данные о масштабах социального служения конфессий (Пруцкова, 2017; Уланов, Бадмаев, 2023) и о связи религиозности с просемейными установками свидетельствуют о ее реальном и растущем объеме. И все же эта работа предостерегает от односторонне комплиментарного взгляда на государственно-конфессиональное партнерство. Вопрос о том, в какой мере это партнерство сохраняет религиозную специфику, а в какой – подчиняет ее логике государственного менеджмента, остается открытым и заслуживает дальнейшего изучения.

Следует также отметить, что институциональный механизм, описанный в данной статье, вероятно, обладает значительным запасом прочности – в том числе в силу того, что он опирается на ценностные установки традиционных религий, разделяемые значительной частью населения и на исторически сложившиеся практики общинной взаимопомощи. Вместе с тем за пределами проведенного анализа остались по меньшей мере три содержательные лакуны. Во-первых, локальные приходские и общинные практики, изучение которых потребовало бы перехода на микроуровень и привлечения иных качественных и количественных методов (в частности методов социально-сетевых анализа, которые дают широкое представление о внутренней жизни общины и ее взаимоотношении с внешним миром (Павлов, 2026)). Во-вторых, межконфессиональные различия в объемах и эффективности социального служения – их оценка требует и иных данных, и даже особого теологического взгляда. В-третьих, разрывы между декларируемыми государством и организациями принципами и ценностями в семейной сфере и их реализацией на практике в области социально-демографической политики – тема, которая уже начала подниматься в некоторых работах (Ростовская, Васильева, Ситковский, 2026).

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать также сравнительный анализ российской модели с аналогичными процессами в других

постсоветских государствах, где религиозные организации также вовлекаются в семейную политику, но в иных институциональных условиях и с иным балансом государственно-конфессиональных отношений (Рязанцев и др., 2023). Кроме того, продуктивным представляется изучение вопроса о том, как именно религиозный капитал доверия – феномен, анализировавшийся применительно к РПЦ автором статьи (Baikov, 2024) – конвертируется в конкретные преимущества при получении бюджетной поддержки на проекты в сфере семьи. Наконец, отдельного внимания заслуживает тема обратного воздействия институционального партнерства на сами религиозные организации – на их внутреннюю жизнь, идентичность и способность формулировать собственную социальную миссию, не редуцированную к государственной повестке.

Таким образом, настоящая работа зафиксировала наличие и структуру институционального механизма, встраивающего религиозные организации в государственную семейно-демографическую политику; показала, что этот механизм имеет три измерения – идеологическое, инструментальное и стратегическое; а также наметила направления его критического осмысления и дальнейшего изучения. Полученные результаты могут быть использованы как для академической дискуссии о постсоветской модели публичной религии, так и для прикладного анализа эффективности государственно-конфессионального партнерства в социальной сфере.

Список литературы

Забаев И. В., Кострова Е. А. Российский парадокс религии и рождаемости. Спецификация проблемы и разработка объясняющей гипотезы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. № 108. С. 89-111. DOI:10.15382/sturI2023108.89-111.

Забаев И. В., Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Церковная социальная работа глазами россиян и социальных работников Русской Православной Церкви // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 139-153. DOI: 10.47132/1814-5574_2022_3_139.

Кублицкая Е. А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 21-42. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3.

Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Социокультурные и семейные ценности россиян с нетрадиционными религиозными взглядами (на примере Москвы и Белгородской области) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 5-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1.

Лебедев С. Д. Религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодежи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 26-40. DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.2.

Орешина Д. А. Партнерский приход: сотрудничество священнослужителей и мирян как фактор развития социальной деятельности в современных приходах Русской православной Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2016. № 5 (67). С. 99-120.

Павлов Н. М. Социально-сетевой анализ православного прихода как формы локальной социальной организации // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 140-156. DOI 10.19181/nko.2026.32.1.10.

Павлюткин И. В. Социальные механизмы трансляции культуры семейной жизни: значение религиозной среды (на примере российского православия) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 31-49. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2.

Пруцкова Е. В. Религиозность и базовые ценности россиян (по данным «Европейского социального исследования» и всероссийского исследования «Ортодокс Монитор») // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 72. С. 126-143. DOI: 10.15382/sturI201772.126-143.

Пруцкова Е. В., Байков М. Д., Павлов Н. М. Семья и община: межпоколенческая передача религиозности на приходах Русской Православной Церкви // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 50-63. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3.

Пруцкова Е. В., Павлюткин И. В., Борисова О. Н. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2(174). С. 103-126. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2359.

Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.]. Москва: Издательство Проспект, 2023. 448 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023.

Ростовская Т. К., Ананченкова П. И., Ростовский Р. В. О реализации Национального проекта «Демография» в части поддержки семей с детьми // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2026. Т. 34, № 2. С. 176-179. DOI: 10.32687/0869-866X-2026-34-2-176-179.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Ситковский А. М. Формирование технологий решения жилищных проблем семьи в рамках демографической политики: проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 32-48. DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.3.

Русских С. Н. Роль Русской православной церкви в продвижении государством традиционной семьи в рамках семейной политики // Мир России. 2022. Т. 31, № 1. С. 183-202. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-183-202.

Уланов М. С., Бадмаев В. Н. Феномен социально вовлеченного буддизма в современном мире // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 138-150. DOI: 10.25178/nit.2023.3.9.

Черныш М. Ф. Социальные институты как фактор цивилизационной эволюции // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 67-97. DOI: 10.19181/ezheg.2023.3.

Baikov M. D. Trust and the Russian Orthodox Church: the dependence of dynamics on the socio-political context and the problem of accurate measurement // Социодинамика. 2024. № 8. P. 60-74. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.8.71267.

Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. 1989. Vol. 7, № 1. Pp. 14-25. DOI: 10.2307/202061.

Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990. 340 с.

Caldwell M. L. Living Faithfully in an Unjust World: Compassionate Care in Russia. Oakland: University of California Press, 2017. 260 p.

Casanova J. Public religions in the modern world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 330 p.

Casanova J. Religion, Politics and Gender Equality: Public Religions Revisited // Debate on the Public Role of Religion and its Social and Gender Implications / ed. by A. Phillips, J. Casanova. 2009. № 5. Pp. 5-33. DOI: 10.7208/chicago/9780226190204.001.0001.

Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / transl. by A. Sheridan. New York: Pantheon Books, 1977. 333 p.

Foucault M. The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978-1979 / ed. by M. Senellart; transl. by G. Burchell. New York: Palgrave Macmillan, 2008. xvii, 346 p.

Marriage and Family in Putin's Russia: State Ideology and the Discourse of the Russian Orthodox Church / Skladanowski M., Szabaciuk A., Lukasik-Turecka A., Smuniewski C. // Religions. 2023. Vol. 14, № 10. Pp. 1332. DOI: 10.3390/rel14101332.

Stoeckl K. The rise of the Russian Christian Right: the case of the World Congress of Families // Religion, State & Society. 2020. Vol. 48, № 4. Pp. 223-238. DOI: 10.1080/09637494.2020.1796172.

Stoeckl K. Traditional values, family, homeschooling: the role of Russia and the Russian Orthodox Church in transnational moral conservative networks and their efforts at reshaping human rights // International Journal of Constitutional Law. 2023. Vol. 21, 3 1. Pp. 224-242. DOI: 10.1093/icon/moad026.

References

Zabaev, I. V., Kostrova, E. A. (2023), "The Russian paradox of religion and fertility: Specification of the problem and development of an explanatory hypothesis", *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, (108), 89-111, DOI: 10.15382/sturI2023108.89-111. (In Russian)

Zabaev, I. V., Prutskova, E. V., Markin, K. V. (2022), "Church social work through the eyes of Russians and social workers of the Russian Orthodox Church", *Khristianskoye chteniye*, (3), 139-153, DOI: 10.47132/1814-5574_2022_3_139. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2023), "Basic values of consolidation of Russian society in the views of religious and non-religious student youth", *Nauchny rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 9 (2), 21-42, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Lyutenko, I. V. (2024), "Sociocultural and family values of Russians with non-traditional religious views (on the example of Moscow and Belgorod region)", *Nauchny rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 10 (4), 5-30, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1. (In Russian)

Lebedev, S. D. (2025), "Religious and worldview strategies of Russian youth", *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 31 (3), 26-40, DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.2. (In Russian)

Oreshina, D. A. (2016), "Partner parish: cooperation of clergy and laity as a factor in the development of social activity in modern parishes of the Russian Orthodox Church", *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya*, 5 (67), 99-120. (In Russian)

Pavlov, N. M. (2026), "Social network analysis of the Orthodox parish as a form of local social organization", *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 32 (1), 140-156, DOI: 10.19181/nko.2026.32.1.10. (In Russian)

Pavlyutkin, I. V. (2024), "Social mechanisms of translation of family life culture: the significance of the religious environment (on the example of Russian Orthodoxy)", *Nauchny rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 10 (4), 31-49, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2. (In Russian)

Prutskova, E. V. (2017), "Religiosity and basic values of Russians (based on the European Social Survey and the all-Russian 'Orthodox Monitor')", *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, (72), 126-143, DOI: 10.15382/sturI201772.126-143. (In Russian)

Prutskova, E. V., Baikov, M. D., Pavlov, N. M. (2024), "Family and community: intergenerational transmission of religiosity in parishes of the Russian Orthodox Church", *Nauchny rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 10 (4), 50-63, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3. (In Russian)

Prutskova, E. V., Pavlyutkin, I. V., Borisova, O. N. (2023), "The relationship between religiosity and fertility in Russia against the background of other European countries: the effect of social context", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2 (174), 103-126, DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2359. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Arkhangel'skiy, V. N. et al. (2023), *Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poryadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu* [Russian society and state in the context of the formation of a new world order: demographic situation in 2022], Prospekt, Moscow, Russia, DOI: 10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Ananchenkova, P. I. and Rostovsky, R. V. (2026), "On the implementation of the National Project 'Demography' in terms of supporting families with children", *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavoookhraneniya i istorii meditsiny*, 34 (2), 176-179, DOI: 10.32687/0869-866X-2026-34-2-176-179. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. and Sitkovsky, A. M. (2026), "Formation of technologies for solving housing problems of the family within the framework of demographic policy: problems and prospects", *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, (1), 32-48, DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.3. (In Russian)

Russkikh, S. N. (2022), "The role of the Russian Orthodox Church in the state's promotion of the traditional family within family policy", *Mir Rossii*, 31 (1), 183-202, DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-183-202. (In Russian)

Ulanov, M. S. and Badmaev, V. N. (2023), "The phenomenon of socially engaged Buddhism in the modern world", *Novye issledovaniya Tuvy*, (3), 138-150, DOI: 10.25178/nit.2023.3.9. (In Russian)

Chernysh, M. F. (2023), "Social institutions as a factor of civilizational evolution", *Rossiia reformiruyushchayasya*, (21), 67-97, DOI: 10.19181/ezheg.2023.3. (In Russian)

Baikov, M. D. (2024), "Trust and the Russian Orthodox Church: the dependence of dynamics on the socio-political context and the problem of accurate measurement", *Sociodynamics*, (8), 60-74, DOI: 10.25136/2409-7144.2024.8.71267.

Bourdieu, P. (1989), "Social Space and Symbolic Power", *Sociological Theory*, 7 (1), 14-25, DOI: 10.2307/202061.

Bourdieu, P. (1990), *The Logic of Practice*, Stanford University Press, Stanford, CA.

Caldwell, M. L. (2017), *Living Faithfully in an Unjust World: Compassionate Care in Russia*, University of California Press, Oakland, CA.

Casanova, J. (1994), *Public Religions in the Modern World*, University of Chicago Press, Chicago, IL.

Casanova, J. (2009), "Religion, Politics and Gender Equality: Public Religions Revisited", in Phillips, A. and Casanova, J. (eds.), *Debate on the Public Role of Religion and its Social and Gender Implications*, University of Chicago Press, 5-33, DOI: 10.7208/chicago/9780226190204.001.0001.

Foucault, M. (1977), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Translated by Sheridan, A., Pantheon Books, New York, NY.

Foucault, M. (2008), *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978-1979*, Edited by Senellart, M., Translated by Burchell, G., Palgrave Macmillan, New York, NY.

Skladanowski, M., Szabaciuk, A., Lukasik-Turecka, A. and Smuniewski, C. (2023), "Marriage and Family in Putin's Russia: State Ideology and the Discourse of the Russian Orthodox Church", *Religions*, 14 (10), 1332, DOI: 10.3390/rel14101332.

Stoeckl, K. (2020), "The rise of the Russian Christian Right: the case of the World Congress of Families", *Religion, State & Society*, 48 (4), 223-238, DOI: 10.1080/09637494.2020.1796172.

Stoeckl, K. (2023), "Traditional values, family, homeschooling: the role of Russia and the Russian Orthodox Church in transnational moral conservative networks and their efforts at reshaping human rights", *International Journal of Constitutional Law*, 21 (1), 224-242, DOI: 10.1093/icon/moad026.

Статья поступила в редакцию 01 апреля 2026 г. Поступила после доработки 12 мая 2026 г. Принята к печати 01 июня 2026 г.

Received 01 April 2026. Revised 12 May 2026. Accepted 01 June 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Байков Михаил Денисович, младший научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСД ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Mikhail D. Baikov, Junior Researcher, Institute of Social Demography of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISD FNSC RAS), Moscow, Russia.